

УДК 81'1

**РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
 РУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА КАЗАХСТАНА
 Г.Г. Гиздатов (Алматы, Казахстан)**

Г.Г. Гиздатов. Риторические стратегии русскоязычного дискурса Казахстана. В статье представлен анализ риторических стратегий, определяющих современный казахстанский дискурс. Русский язык в постсоветском дискурсе, как это доказывается в данной работе, перестает быть феноменом культуры и выступает лишь как средство фиксации и передачи информации. В статье (на материале публицистического, бытового и художественного дискурсов) выявлены риторические стратегии постсоветского дискурса. К таковым относятся резонерство, канцелярит и симулятивный антропоцентризм истолкования.

Ключевые слова: антропоцентризм, дискурс, когнитивные модели, речевые стратегии, риторические особенности.

Г.Г. Гиздатов. Риторичні стратегії російськомовного дискурсу Казахстану. У статті представлено аналіз риторичних стратегій, що визначають сучасний казахстанський дискурс. Російська мова в пострадянському дискурсі, як це доводиться в даній роботі, перестає бути феноменом культури і виступає лише як засіб фіксації та передачі інформації. У статті (на матеріалі публіцистичного, побутового та художнього дискурсів) виявлено риторичні стратегії пострадянського дискурсу. До таких належать резонерство, канцелярит і симулятивний антропоцентризм тлумачення.

Ключові слова: антропоцентризм, дискурс, когнітивні моделі, мовні стратегії, риторичні особливості.

G.G. Gizdatov. Rhetorical strategies of Russian discourse in Kazakhstan. The paper presents an analysis of the rhetorical strategies of modern Kazakh discourse. The language in the post-Soviet discourse, as this paper proves, is no longer a phenomenon of culture and serves only as a means of fixating and transmitting information. On the material of publicistic, domestic and fiction discourses, the article revealed verbal strategies of post-Soviet discourse. These include logic-chopping, language of beauracracy and simulative anthropocentric interpretation.

Keywords: anthropocentrism, discourse, cognitive models, speech strategies, rhetorical features.

Перспективы развития языков на постсоветском пространстве специалистами из разных областей обозначены достаточно точно, в том числе с уже традиционным указанием «варваризации» («американизации») всех языков, в том числе и русского, и казахского и т.д. Согласимся в этом случае с очевидным отражением в языковой практике явления глобализации на всем постсоветском пространстве и в Казахстане в частности. Последнее объясняет и то, что основное различие (и соответственно – объединение) в постсоветской

республике происходит не по национальному, религиозному, языковому и другим признакам, а в первую очередь – по социальному статусу.

Здесь и сейчас речь пойдет о некоторых явлениях, наблюдаемых в языковой жизни в Казахстане. Тенденции эти вполне закономерны и выглядят, на первый взгляд, пристойно. Казахский и русский языки в деловой, научной и культурной жизни Казахстана заняли свои ранжированные места. В большинстве своих проявлений казахский и, возможно, русский язык в политической и деловой сферах страны адекватны статусу, заявленному официальной риторикой.

Что тогда есть в казахстанском русскоязычном дискурсе как определяющая когнитивная стратегия?

Безусловно, введение идеализированной когнитивной модели в парадигму изучения речевой деятельности является определенным средством обобщения решаемых в ней задач. Человек обычно не осознает структур, направляющих его языковое мышление: познавательные структуры не являются осознаваемым содержанием мышления, однако именно они навязывают мышлению одну форму, а не другую. В психологической парадигме важно понятие «когнитивное состояние носителя языка», вне которого мы не можем рассматривать любые модели представления знаний. Заметим, что подобный аспект исследования свойственен и социальной теории П. Бурдьё, в которой использование языка приравнивается использованию концепций: «Среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования, производит *habitus*, то есть систему прочных, приобретенных предрасположенностей, структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурированных структур, то есть в качестве принципов, которые порождают и организуют практику и предоставления» [Bourdieu 1979: 17–18]. В определенной мере *habitus* в концепции П. Бурдьё объективен, он отличен от индивидуальных когнитивных систем, он над ними.

Когнитивные модели в подобной интерпретации могут и должны выступать как «стратегические правила» скрытой за восприятием практики. Закономерно, что в психологической теории деятельности, которая операционализируется – доводится – американскими психологами, указывается: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значением. Значение есть единица сознания» [Леонтьев 1994: 35].

В современном казахстанском дискурсе относительно ко всем его конкретным проявлениям (бытовому, политическому, судебному, публицистическому и пр.) наиболее очевидна следующая когнитивная модель – **антропоцентризм истолкования**. «Я – схемы» (в терминологии Л. Хьелла и Д. Зиглера [Hjelle, Ziegler 1992]) во многом обеспечивают быстроту принятия решения, воспоминания и реконструкции, оценку и отрицание того, что не очень подходит под «я-схемы». Операции по отождествлению и сопоставлению структур знания, отраженные в ассоциативном мышлении, позволяют увидеть не только набор, содержащихся в семантической памяти человека знаний

о мире, но и когнитивные способности динамического характера – стратегии обращения с готовыми структурами знания. Традиционно признается, что в ассоциативной характеристике слова заключены как представления о предмете, так и его ментальная оценка.

Наиболее вычисляемо следующее – в казахстанском варианте русского языка нет «мифов», нет культурологических стереотипов.. Чтобы не быть голословным, приведем пример того, как русский язык отражен в ассоциативном мышлении русских в России и русскоязычных в Казахстане (РАС – ассоциации, полученные в России на слова-стимулы [Русский ассоциативный словарь 1994], КАС – ассоциации, зафиксированные при опросе на те же слова в Казахстане [Гиздатов 1998]).

Слова-ассоциации расположены по степени частотности, количество ассоциативных реакций в обоих случаях близкое (приводятся наиболее частотные реакции):

Жизнь – РАС: смерть 62, прекрасна 30, долгая, хороша 16, коротка 13, жестянка, тяжелая 12, моя, прожить 9, длинная 8;

Жизнь – КАС: смерть 20, счастье 17, долгая 16, радость 13, короткая 7.

Добрый – РАС: человек 72, дядя 52, злой 46, день 29, друг, малый 26, хороший 13, вечер 12, папа 9, молодец 8;

Добрый – КАС: человек 69, друг 54, родители 27, доктор 11, волшебник, мама, папа, сильный, супруг 10, злой, дядя 8.

Вода – РАС: холодная 48, чистая 42, пить 20, море 18, прозрачная 15, родниковая 14, жидкость, река 11, мокрая, питьевая 9, живая, земля 8

Вода – КАС: море 38, река 13, кран 12, озеро, прозрачная 11, чистая, холодная 10, жизнь 8.

Слова были одни и те же, но образы, которые они вызвали, разные и смысл, который им придается, также не идентичен. Безусловно, коллективные стереотипы и системы ценностей присутствует и в первом, и во втором случае, но значимо иное. Несмотря на определенную логичность казахстанского «варианта» речи, слово в речи не выражает полного атрибута положения вещей, «идеального» события нет. Пожалуй, именно по отношению к ассоциативным рядам, зафиксированным в Казахстане, можно говорить об отсутствии этнических стереотипов. В них в первую очередь зафиксировано «мышление толп» – стереотипные и повторяющиеся образы.

Любой язык как некая духовная субстанция всегда меняется и не имеет свойства застывать от точки до точки. В первую очередь в языковой практике казахстанского постсоветского дискурса очевидны процессы обеднения и стандартизации русского языка. Но любое содержание, в том числе и языковое, должно изменяться, иначе оно просто «ускользнет» из сознания. В современном варианте «казахстанского слова» вновь, также как и в недавние и уже забываемые советские годы, обнаруживаемы лишь речевые штампы, когда все верно, нет ничего неопределенного, расплывчатого, недоговоренного.

В этом «варианте» языка очевидны лишь массовые представления, стереотипные и повторяющиеся образы. Первое и самое явное: тяга к общепринятым стереотипам, стандартность и тусклость языка.

По этой причине, в языке большинства официальных русскоязычных и казахских СМИ Казахстана преобладает исключительно книжная лексика, столь отличающая язык советского времени. В казахстанском публицистическом дискурсе налицо второе «пришествие» **канцелярита**. Это плохо хотя бы потому, что отупляет сознание. Все обозначенное присутствует как на республиканском телеэкране, так в государственных «посылах» и в местечковой социальной рекламе, казахстанской газетно-журнальной публицистике. Во всем этом нет «идеального» события, а есть лишь массовые образы. Таковым и является в большинстве случаев современный язык казахстанской публицистики, теледискурса и судебных прений. Самые последние образчики, адресованные от государства населению, звучат так: «молодежный кадровый резерв», «фактор культуры в эпоху кризиса», «прорывные проекты», «программы на развитие потенциала молодежи» и пр.

Проблема в том, что дальше за этими громоздкими словесными клише ничего не стоит, и они ничего не пробуждают в сознании тех, кому они адресованы. Как правило, минимизация понятий в казахстанском официальном дискурсе дополняется бесконечным повторением и апелляцией к чувствам слушателей, зрителей. Когнитивные структуры сохраняются в сознании, если они трансформируются. Сошлемся в этом ряду на феномен семантической сатиации: многократное повторение одного и того же слова или группы слов приводит к субъективному ощущению утраты смысла этих слов. Действительно, любое осознанное содержание должно непрерывно изменяться, иначе оно «ускользнет» из сознания. Налицо явление из когнитивной сферы, получившее в патопсихологии, название **«резонерство»**. Резонерство во многих, и в этом примере также, выступает как определяющая черта казахстанского дискурса. В характеристику этого явления входят: слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция, многозначительность.

Ряд примеров, подтверждающих резонерство как отличающую черту казахстанского дискурса, может быть приведен их научного и художественного стиля. Так, книга, посвященная языкам народов Казахстана, полностью состоит из таких маловразумительных наборов предложений: *«На платформе суверенитета в последние десятилетия прошлого века на первый план вышел вопрос функционирования языка»*; *«Во вновь приобретшем независимость государстве поддерживается такое социально значимое начинание как языковое движение в контексте восстановления справедливости языков в правах функционирования с целью достижения многостороннего языкового развития Казахстана, которое включает в себя развитие государственного языка как одного из самых ущемленных в правах функционирования языков*

и языков других национальностей и на их базе двуязычия, многоязычия с участием государственного языка» [Хасанов 2005: 213].

Таковыми же являются и примеры словесных конструкций из «Типовой учебной программы» для журналистов (Алматы 2007) по курсу «Основы публицистического творчества»: *«Этот предмет развивает в журналисте коммуникативную роль и изучает формам диалога, полемики, идеям публицистики, оценочному мышлению, выборке фактов»; «Мастерство – это правильная методика владения терминами, а также обучение подачи действительности» (процитировано дословно).*

Конечно, можно отнести приведенные примеры только к речевым погрешностям их авторов. Но подавляющее большинство научных и публицистических текстов с неизбежной закономерностью будут отличаться **резонерством, канцеляритом и симулятивным антропоцентризмом истолкования.**

Впрочем, и в казахстанской художественной повести [Есенаман 2010], претендующей на некое место в современной казахстанской литературе, та же смесь канцелярита с просторечной лексикой:

«Тема наркоты для меня была знакома»;

«Я пыталась совершить суицид, но меня спасли»;

«Мне, например, не дано что-либо писать, а ты, имея этот дар, просто засовываешь его в жопу»;

«Кроме того, мне предстояло соблюдать режим, и посещать курс гимнастики по йоговской системе»;

«Армия, это хорошо. Там ты перестанешь чувствовать депрессию. Тебе будет некогда».

Можем ли мы говорить о каком-нибудь риторическом пространстве слов этой повести? В любом случае рассуждать о рождении особого языка молодежи не приходится. В литературном дискурсе Казахстана есть философский наив, есть примитивное графоманство, включающее в себя плохой литературный слог. Это и есть язык нашего медиального пространства, скудного, космополитичного и поверхностного. Вне всяких сомнений, таков дискурсивный выбор автора литературного текста. Так, по версии автора, выражаются казахстанские подростки. Но кроме определенной начитанности самого автора и несколько надуманного подросткового излома, «Хардкор», как и многие казахстанские литературные тексты последних лет, запоминается странным, но весьма типичным и показательным для «взрослой» речи сочетанием канцелярита с молодежными словечками. Они, кстати, совсем простенькие и вовсе не абсурдистки вызывающие, как того хотелось бы от современной прозы. Совсем не важны наши предположения о том, что так современные подростки не говорят. Характер «движения» от предмета к обобщающему слову нарушен: отсутствуют адекватные связи между конкретными наименованиями и обобщающими понятиями. При таком преобладающем «вербализме» мышления сущностные характеристики уходят

в сторону, снижая в итоге и саму речевую продуктивность. Сравните у С. Московичи: «Существуют два и только два типа мышления, предназначенные для объяснения реальности: первый нацелен на идею-понятие, второй – на идею-образ. Первый действует по законам разума и доказательств, второй взывает к законам памяти и внушения» [Moscovici 1985: 139].

В речи здорового носителя языка выстраивается следующая иерархия: идея-понятие + идея-образ; в приведенных казахстанских примерах идея-понятие сливается с идеей-образом. В результате это приводит:

1) к изменению форм категоризации: от социально-нормированных культурой форм категоризации к нестандартным (от понятийных структур к чувственным образам);

2) изменяется эмоциональная окраска отражаемого в сознании внутреннего опыта;

3) к изменению личностного смысла.

Казахстанские слова, вызывающие образы или хотя бы претендующие на это, явно изношены и в сознании читателей/ слушателей/ потребителей уже ничего не пробуждают. Одновременно они избавляют тех, кто их употребляет, от обязанности думать. Заметим, и то, что в реальной речевой практике Казахстана практически не зафиксированы образчики сленга хиппи, зато в значительной мере и во взрослой, и в молодежной речи присутствует влияние уголовного жаргона

В русскоязычном казахстанском дискурсе идеально зафиксирована центральная черта всего постсоветского дискурса – его «сниженность» и «пластмассовость». Качества языка, которые можно вычислять в написанном и произнесенном кем-то. Для «пользователя» казахстанского слова очевидны постсоветские социальные шаблоны языка и мысли. Нет эволюции языка, а есть стандартность и тусклость языка. Из пресс-релиза партии «Адилет»: *«В своем выступлении Сыдыхов Т.С. отметил, что в свете всем известных за последнее время трудовых конфликтов существует острая необходимость плотного взаимодействия лидера профсоюзной организации и работодателя».*

Неизбежные вопросы – что подразумевается под «светом трудовых конфликтов»? что подразумевается под «плотным взаимодействием лидера и работодателя»? – скорее всего, останутся без внятного ответа.

Автор книги «Русский язык на грани нервного срыва» М. Кронгауз, анализируя российские реалии, замечает: «После перестройки мы пережили как минимум три словесные войны: бандитскую, профессиональную и гламурную... три периода, три моды» [Кронгауз 2008: 132]. Но эти порицаемые сейчас многими «моды» обогатили русский язык в России. Казахстан они благополучно миновали, хотя элементы компьютерной лексики и гламурного «щебетания» все же можно встретить.

Пожалуй, именно по этой причине в казахстанском молодежном сленге оказывается более популярным слово «грамотный» (толковый) как неполная

замена российского эквивалента «правильный»). Показательны в российской речевой культуре слова-лидеры последних лет: «*правильный*», «*пафосно*», «*жесть*» (за каждым из слов – протестные жизненные установки). В казахстанском молодежном дискурсе пока не задаются подобные стандарты и стереотипы социального поведения. Последние казахстанские речевые образчики ближе всего к провинциальному брюзжанию по поводу всего окружающего. Самые типичные слова-клише следующие: *цивильно* (там все хорошо, но только не дома), *беспонтовый* (простой или же бестолковый), *нечто* (как высшая оценка чего-либо) – популярные в 90-е года слова в российской молодежной среде: «*И вообще, там (в Лондоне, Париже, Блумингтоне) все так цивильно*».

Не обнаруживается самое важное в молодежном социолекте Казахстана – продуманное следование определенной идеологии. В конечном счете, казахстанский молодежный дискурс не есть феномен постмодерновой культуры (как оно зафиксировано во всех иных странах), он большей частью болезненно спокоен и глубоко провинциален и он же вне этнических и культурологических стереотипов.

Слова уже становятся скорее фикцией, но никак не событием. Быть может, поэтому в последнее время в казахстанской массовой культуре, также, как и в российской последних пяти лет, наблюдаемы риторические принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией (рекламные тексты, пропагандистские компании и т.п.) с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. Действительно потребительская или избирающая кого-либо масса избавлена от лишних усилий. По отношению к публичному речевому поведению в Казахстане происходит упрощение смысла. В лексике обличителя-антиглобалиста это принято обозначать как «оболванивание болванов». Стандартность образа – стандартность построения мысли и речи. При этом все правильно и нет ничего расплывчатого. Пожалуй, в принципе невозможны в нашем случае так называемые «противоречивые языковые структуры». Наподобие следующих: «*Невыносимая легкость бытия*» (название кинофильма), «*Я отомщу Украине любовью*» (фраза С. Параджанова). Игра с размытым смыслом при упрощении смысла просто невыносима и недопускаема сознательно.

Из чего, например, складывается речевая динамика в любом казахстанском молодежном и взрослом ток-шоу на телевидении (их кстати очень мало)? Что и как говорят уважаемые дебаты? То, что на поверхности, сводится к следующему.

Лексика их бедна и невыразительна. В ряде случаев это исключительно газетная публицистика или выхваченная незадолго до выступления околонучная терминология. Почему «около»? Ораторы не всегда понимают значения слов (экономических, юридических, политических терминов), коими они оперируют. Тусклая аргументация в ток-шоу «обогащена» вульгарной манерой спора. В риторике это понятие включает в себя следующее:

отсутствуют переходы и связи мыслей; не выявляется главное в предмете рассуждения; главенствует излишняя категоричность; используются популистские аргументы к личности. Для любого социолога и политолога, да и для обывателя тоже, подобная аудитория, которую мы можем наблюдать в казахстанских ток-шоу, это реальная молодежь, а не тот, кислотный суррогат которой нам предлагают либо в музыкальном телеэфире или глянцево-парадных репортажах официозных программ.

Любой общественный сдвиг потрясает язык, но что «изменилось» в казахстанском риторическом проявлении, в том числе и в его молодежном исполнении?

Вразумительный ответ на этот вопрос пока затруднителен. А потому демагогия подменяет собой реальное искусство ведения спора. Собственно сами образцы речевого мышления казахстанских молодежных дебатеров вновь наглядно демонстрируют явление «восточного резонерства»: слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция, склонность в большом обобщениям по поводу незначительных объектов суждения, неуместный пафос. С той же долей вероятности вместо молодежных дебатеров можно подставить чиновников, депутатов, а выводы будут относиться и к ним.

В любой культуре типичной реакцией на абсурд всегда является смех. Именно это и было, и присутствует в должном избытке в молодежной речевой культуре, а в наше время в российском молодежном дискурсе наиболее явно выражено в языковом пародировании в «албанском языке» или «языке падонков», это то, что можно отнести к протестной культуре. Постсоветскому пространству свое понимание жизни и речи в ней с недавних 90-х годов тотально навязал КВН, с размахом выродившийся в поп-культуру. В России это коммерчески состоявшиеся «Камеди Клуб» и «Наша Раша», в Казахстане – «Кыз кылыгы» и «Наша KZАША». Априори отнести все это к проявлениям наступающей мещанской культуры было бы слишком просто. Современные речевые КВН-приколы, как правило, одновременно криминальны и экспрессивны. Этот фрагмент молодежного социолекта большей частью является только скрытой или явной агрессией (политической, этнической, сексуальной).

Что все-таки свойственно казахстанскому дискурсу: речевой вандализм или риторический баланс?

Казахстанский постсоветский дискурс на наших глазах складывается из трех неравных составных: западная модель риторики, восточное (мусульманское) ораторское искусство и советская речевая манера. Причудливое соединение, но оно оказалось жизнеспособным. Речевой этикет и речевое поведение конкретных людей позволяют увидеть нечто большее, чем просто языковые пристрастия эпохи. Закономерно, что этнопсихологи различают высоконтекстные культуры (с главенствующим принципом *что говорить*) и низконтекстные (*как говорится, с кем, в какой ситуации происходит общение*). Именно по этому принципу противопоставляются

индивидуалистические западные и коллективистские восточные культуры. Столь же очевидно то, что в образчиках речей отражается общественное сознание своего времени. Для казахстанского оратора западная манера говорения – больше своеобразное «прикрытие». Объясню, когда казахстанского топ-менеджера просишь определить его риторические пристрастия, то американская модель признается приемлемой только при необходимости выступить на английском языке и не более. Вывод только такой: западная модель речи хороша только для наружного употребления и пока в казахстанских реалиях является больше антуражным дополнением. Отдельные исключения, которые встречаются, не составляют закономерности.

Восточная модель красноречия предполагает иное отношение к слову. С одной стороны мусульманские мыслители верили в воспитательную, облагораживающую силу слова. С другой стороны, ислам, рассматривая знания и науку как общее наследие всего человечества, запрещал имитировать образ жизни людей другой веры. Объясняется это тем, что, по мнению исламских теологов, психология имитирования исходит из чувства неполноценности и униженности и культивирует сознание пораженцев. Отсюда автономность ораторской речи исламского мира.

Все это вошло в культуру современных исламских стран. В Казахстане бытовые проявления исламской культуры вряд ли можно отнести к реальному речевому влиянию. Тем более, когда духовные лица нередко ближе к стилю советской эпохи: своей безадресностью обращения, абстрактностью рассуждений и внешней правильностью. Называть это восточным резонерством тоже нельзя – уж слишком очевидны советские ушки. Более интересны стилевые устремления у тюркоязычной молодежи: формулы обращения, уважительный тон, отсутствие сквернословия.

К чему это приведет? Пока – неизвестно. Однако желание видеть только один мир, возможно, ограничивает и упрощает жизненные ценности.

Действительно советская модель выражения себя близка или хотя бы понятна тем, кому за сорок и далее. Дело совсем не в ушедших в архаику словах-советизмах, а в той речевой манере, которая была и не исчезла. Безусловно, тоталитарная риторика 20–40-х уже невозможна. С другой стороны, можно и должно согласиться с тем «диагнозом», который вынесен современному Казахстану: «Нельзя забывать, что как конкретный ресурс, который был непосредственно прожит, как часть объемного опыта, только советский опыт является тем плацдармом, от которого Казахстан отталкивается при выборе самоидентификационных ориентиров после обретения независимости» [Коктейль Молотова 2014: 34].

Высокий уровень публичного выступления возможен только в тех культурах, в которых есть исходные предпосылки: демократическая форма государственного правления, независимый суд и соответствующий уровень развития риторики как учебной дисциплины. Есть ли все это у нас? Положительный ответ вряд ли возможен. У нас речевая манера не служит

маркером социального статуса человека, в отличии, например, от марки автомобиля. Наш чиновник или политик по-прежнему не имеет контуров просто человека, а, скорее, обладает узнаваемыми речевыми штампами советского администратора. Тогда обличение – расплывчато, вместо позитивных идей – фраза о подготовленном распоряжении. Изначальная причина последнего, возможно, в полученном образовании, а личность только воспроизводит статичные формы речевого мышления. Язык массовой коммуникации сиюминутен и мимолетен, однако только он создает свой мир, который кажется «публике» реальностью. В телевизионных и медийных «текстах», в том числе и в интернет-медиа, трудно обнаружить желание казахстанских практиков-коммуникаторов видеть своих слушателей (и собеседников) как равноценных партнеров по общению, живыми и действующими субъектами; мы для них больше «сосуды», которые нужно наполнить своим содержанием.

Традиционно на первых шагах наши функционеры демонстрируют косноязычие и речевую неуклюжесть. Но на продвижении к властному Олимпу появляется специфическая осанка и лоск в одежде, в речи он проявляется хуже. По-прежнему отступления от шаблона мысли слова подвергаются хотя бы внутренней самоцензуре. Те казахстанские чиновники и бизнесмены, которые прошли длительные стажировки в американских университетах (даже когда говорят на русском или казахском языках) все же порой демонстрируют западную форму выражения себя. На субъективный взгляд автора, «массовые кумиры» (mass idol) в Казахстане отсутствуют. Те из них, которые на это претендуют, демонстрируют все три типа риторики в их причудливом сплетении. В них все больше от запада, с несомненными советскими корнями и в отдельных случаях – микроскопические дозы исламского духа. Одно из возможных, но никак не последних объяснений специфики казахстанского русскоязычного дискурса – слабое качество преподнесения русского языка в казахстанских учебниках и программах. Впрочем, это является одновременно и последствием сложившейся ситуации.

По всей видимости, утверждение «границы моего языка – это границы моего мира» справедливо во всех случаях, когда человек говорит. Откуда же статичность казахстанского речевого мышления? Чем это обусловлено?

Любопытно привести пространную цитату из толковой работы Б. Ахатовой: «Исследование этнического сознания групп респондентов – представителей 22-х этносов Казахстана – дало возможность научно обосновать лояльное отношение народа к власти, невозможность «цветных» революций в электоральный период в Казахстане. Языковое сознание респондентов отразило непопулярность оппозиции и ее идей среди большинства населения» [Ахатова 2006: 221].

Язык связан с постижением действительности. Именно диалога по исходному условию и не хватает казахстанским речевым образчикам.

Замечу, диалогичность может присутствовать даже в одной фразе, брошенной на митинге: «Бабы, не рожайте коммунистов».

Казахский дискурс имеет свои отличия от русскоязычного медиального пространства. Его принципиальное отличие стало более очевидным в последние два-три года. Различия обусловлены и разнящимся пониманием социально-политической действительности, и несходными культурологическими концептами.

Русскоязычный дискурс Казахстана складывается на наших глазах. По-прежнему он отражение наследия советской империи, но он уже имеет отличия от нынешнего российского дискурса. Как такой язык может навязывать человеку нормы мышления, познания и социального поведения? Позитивно ли такие языковые практики отражаются на поведении носителей языка, в том числе поведении профессиональном (политическом, судебном, научном, бытовом)? Вопросы, на которые еще только предстоит ответить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание / Б.А. Ахатова. – Алматы : Экономика, 2006. – 302 с.
2. Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности / Г.Г. Гиздатов. – Алматы : Гылым, 1998. – 176 с.
3. Есенаман Зара. Хардкор / Зара Есенаман. – Алматы, 2010 – 180 с.
4. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / А.Н. Леонтьев ; [под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева]. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.
5. Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. – Алматы : Альянс Аналитических организаций, 2014 – 194 с.
6. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 232 с.
7. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. – М. : «Помовский и партнеры», 1994. – 224 с.
8. Хасанов Б. Языки народов Казахстана / Б. Хасанов. – Алматы, 2005 – 345 с.
9. Bourdieu P. Le Sens pratique / P. Bourdieu. – Paris : Minuit, 1979. – 670 p.
10. Hjelle L. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications / L. Hjelle, D. Ziegler. – [3th ed.]. – New York : McGraw-Hill Publ, 1992. – 608 p.
11. Moscovici S. The age of the crowd: a historical treatise on mass psychology / S. Moscovici. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 460 p.

REFERENCES

Abisheva, M., Alijarov, E., Zhusupova, A. (2014). *Koktejl' Molotova. Anatomija kazahstanskoj molodezhi [Molotov cocktail. Anatomy of Kazakh youth]*. Almaty: Al'jans Analiticheskikh organizacij, Publ.

- Ahatova, B.A. (2006). *Politicheskij diskurs i jazykovoe soznanie [Political discourse and linguistic consciousness]*. Almaty: Jekonomika Publ.
- Bourdieu, P. (1979). *Le Sens pratique*. Paris : Minuit.
- Esenaman, Z. (2010). *Hardkor [Hardcore]*. Almaty Publ.
- Gizdatov, G.G. (1998). *Kognitivnye modeli v rechevoj dejatel'nosti [Cognitive models in speech activity]*. Almaty: Gylym Publ.
- Hasanov, B. (2005). *Jazyki narodov Kazahstana [Languages of the peoples of Kazakhstan]*. Almaty Publ.
- Hjelle, L., and Ziegler, D. (1992). *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*. 3th ed. New York : McGraw-Hill Publ.
- Krongauz, M. (2008). *Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, Publ.
- Leont'ev, A.N. (1994). *Filosofija psihologii: iz nauchnogo nasledija [Philosophy of psychology: from scientific heritage]*. Moscow: MGU Publ.
- Moscovici, S. (1985). *The age of the crowd: a historical treatise on mass psychology*. Cambridge : Cambridge University Press
- Russkij asociativnyj slovar'. Kniga 1. Prjamoj slovar': ot stimula k reakcii* (1994) [*Russian associative dictionary. Book 1. Direct dictionary: from stimulus to response*]. Moscow: «Pomovskij i partnery» Publ.

Гиздатов Газинур Габдуллавич – доктор филологических наук, профессор кафедры международных коммуникаций Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (ул. Муратбаева, 200, г. Алматы, 050022, Казахстан); e-mail: gizdat@mail.ru